

УДК 81'39

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.4.46

МЕТОНИМИЯ КАК АЛГОРИТМ РЕФЕРЕНЦИИ

© В. Л. Ибрагимова*, Л. А. Сергеева

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел.: +7 (347) 231 27 50.***Email: sergeevala@list.ru*

В статье рассматриваются когнитивные и лингвистические аспекты метонимии. Авторы анализируют когнитивный механизм метонимии, принцип действия которого состоит в том, что одна ментальная структура нашего сознания (понятие, концепт и др.) представляет другую, смежную с ней в какой-либо ментальной области структуру или область в целом. В языке она является пусковым механизмом расширения значений, метафоризации, символизации и словообразовательных процессов. Представляя собой особый тип окказиональной номинации, метонимические выражения в большей степени ориентированы не на денотат, а на референт. Они выделяют главный с точки зрения говорящего элемент референтной ситуации, оставляя остальные имплицитными, и тем самым открывают возможность для различных интерпретаций скрытого смысла сообщения.

Ключевые слова: метонимия, языковая метонимия, окказиональная метонимия, вторичная номинация, референция, ассоциация, аналогия, ситуация, модель ситуации, фрейм.

В последние десятилетия в связи с развитием новых научных парадигм в гуманитарных науках наблюдается заметное повышение интереса специалистов, изучающих речь и мышление человека (психологов, логиков и лингвистов), к денотативной семантике, а следовательно, к предметным значениям. В процессе их изучения исследователь неизбежно сталкивается с переносом значений по смежности в физическом или концептуальном пространстве, т.е. с метонимией, поскольку «предметное значение определяет размещение объемов в пространстве» [6, с. 83]. В результате метонимия естественным образом стала объектом междисциплинарных когнитивных исследований, в которых рассматриваются разные аспекты ее онтологии.

В когнитивной науке проблема сущности метонимии решается в связи с изучением мышления как механизма представления и хранения полученных человеком знаний и их извлечения из памяти в процессах познания и понимания. В настоящее время доказано, что знания хранятся в форме структурированных семантических пространств. Составляющие их понятия относятся к тематически различным предметным областям, что и обуславливает структуру последних. При этом ученые говорят о глобальной и локальной близости понятий. Глобальная связана с близостью целых семантических областей между собой, а локальная – с близостью понятий, концептов и других когнитивных структур внутри одной и той же области. Метонимия – это когнитивный механизм представления знаний, принцип действия которого состоит в том, что одна ментальная структура, например, понятие или концепт, может представлять связанную с ней другую структуру или ментальную область в целом [5, т. 2, с. 163; 13 и др.]. Наличием в нашем сознании ассоциаций по смежности психологи объясня-

ют такие свойства мышления, как ассоциативность и стереотипность, обуславливающие его способность протекать в рамках метонимических когнитивных моделей, имеющих универсальную природу.

В связи с новыми данными, полученными психологической наукой, в лингвистике в последнее время также изменился подход к изучению метонимии. Традиционно метонимию понимали как чисто языковое явление, как стилистическое и риторическое средство номинации, ее соотносили с предметными словами и видели ее сущность в переносе имени одного из смежных предметов на другую. Так, в «Большом энциклопедическом словаре» метонимия определяется как «механизм речи, заключающийся в регулярном или окказиональном переносе имени одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [4, с. 300].

В когнитивной лингвистике признается, что метонимия и метафора – это «не просто внутриязыковые явления, а механизмы соотношения языка с отраженной в нем действительностью; лежащие в их основе отношения аналогии и смежности носят концептуальный экстралингвистический характер» [11, с. 83]. В связи с этим отношения смежности экстраполируются из материальных сфер в концептуальные области, в которых таковыми являются отношения между причиной и следствием, сложившейся ситуацией и прогнозом ее развития и др.

В последнее время изменились также представления о референте метонимического имени: это понятие применяют не только по отношению к физическим телам или действиям (процессам), но и к событиям и ситуациям.

Когнитивный механизм действия метонимии в языке объяснил американский лингвист Ч. Филмор, один из основоположников теории фреймов, согласно которой значения слов соотношены с фреймами, или сценами. Сцена – это «любое доступное выделению осмысленное восприятие, воспоминание, переживание (опыт), действие или объект. Слово указывает на определенную часть (элемент) этой сцены, и его “вызов” активизирует всю сцену» [13, с. 81]. При задействовании одного из элементов фрейм-структуры активизируются все остальные.

Исследователи выделяют статичные и акционные фреймы. Первые представляют собой «пакеты» знаний о каких-либо объектах. Вторые включают знания (представления) о стереотипных ситуациях – об их участниках и их семантических ролях, о последовательности событий, о возможных предшествующих событиях, о прогнозируемых последствиях и т.п. Таким образом, фреймы сводят практически любую ситуацию к стандарту (прототипу). Ментальным основанием метонимии могут быть как статичные фреймы, например, в случае переноса «часть» > «целое», так и сценарии. Но и в том и в другом случае наше сознание находит связь (смежность) референтов в определенных материальных и (или) концептуальных областях [7, с. 971; 8, с. 54; 1, с. 224; 2, с. 130 и др.].

Сценарная (событийная) трактовка метонимии позволила глубже понять ее роль в формировании и развитии лексико-семантической системы русского (и не только русского) языка, речемыслительном процессе, а также в процессе коммуникации.

История языка свидетельствует о многочисленных случаях смыслового расширения исходного значения слова за счет метонимических переносов. В свою очередь, приращение смысла приводит к образованию метафор, синонимов, словообразовательных дериватов – и в итоге формируются различные семантические пространства. Например, русские слова *глубокий*, *глубина*, *глубь* и т.п. этимологи возводят к двум индоевропейским корням: **gleubh* и **gelebh* (на славянской почве – **globh*). Первый имел значение ‘выдалбливать’ (камень, дерево), а второй – ‘рыть’ (землю) [15, т. 1, с. 192]. Не рассматривая сути разногласий по вопросу происхождения русского корня, отметим, что обе этимологии дают сходный образ: формирование замкнутого с трех сторон пространства путем углубления в какой-либо среде (обычно с целью его дальнейшего наполнения каким-либо содержанием). Этот образ предопределил направления семантического развития корня, которые мы анализируем на примере значений слова *глубокий*.

Исходное значение прилагательного *глубокий* – ‘имеющий большое расстояние от поверхности до дна’ (*глубокий колодец*). Первый семантический переход, под которым мы понимаем непосредственную связь между двумя значениями многознач-

ного слова в синхронии или между его последовательно возникающими значениями в диахронии, наблюдается вследствие смещения фокуса референции в сторону содержания пространства. Переход имеет вид: ‘имеющий большое расстояние от поверхности до дна’ (*глубокий колодец*) > ‘находящийся далеко внизу под поверхностью’ (*глубокие залежи руды*). Этот метонимический перенос производится на основании физической смежности объектов.

В результате замены дифференциальных сем второго значения наблюдается другой семантический переход: ‘находящийся далеко внизу под поверхностью’ > ‘отдаленный, находящийся на большом расстоянии от чего-либо’ (*глубокая провинция*) [9, с. 133]. При этом происходит расширение смысла вследствие частичного разрушения образа исходного значения (углубления в земле), что в свою очередь открывает возможность для перехода понятия в иные сферы и – как следствие – для дальнейшего расширения смысловой структуры слова за счет метафор. Рассмотрим его основные направления.

Вырытое в земле для наполнения каким-либо содержимым углубление является его «вместилищем». В ментальной сфере вместилищами мыслительного содержания представляются знания, мысли, суждения и т.п., вследствие чего наблюдается метафорический перенос ‘достигший полноты своего проявления, высшего предела’ > ‘содержательный’, ‘значительный’, ‘основательный’ [15, с. 192]: *глубокие знания*, *глубокий ум*. Ср. также значение фразеологизма *глубоко копать* – ‘разбираясь в чем-либо, пытаться дойти до самой сути’ (при утрате дифференциальной семы ‘предел’). В эмоциональной сфере «вместилищами» эмоций представляются сердце и душа, поэтому закономерен метафорический перенос ‘достигший полноты своего проявления, высшего предела’ > ‘большой, сильный’ (*глубокое чувство*, *глубокая неприязнь*). Аналогичные переходы на пути своего смыслового расширения частично «прошли» однокоренные слова *глубь*, *глубина* и *глубоко*.

Многие из перечисленных выше значений и смыслов, полученных в результате семантических переходов, также могли порождать новые переходы: например, в выражении *глубокий поэт* (*мыслитель*) метафора сочетается с метонимическим переносом наименования признака результата мыслительной деятельности (научного труда, художественного произведения и др.) на человека. Но более естественным для метафоры является ее переход в символ. Символическая метафора представлена, например, в сочетаниях *в глубине души* ‘глубоко в сознании’, *из глубины сердца* ‘о проявлении скрытых переживаний’, в которых отражается представление о глубине как о скрытой и непостижимой сущности (ср. также: *в глубинах мироздания*, *таинственная глубина*).

Участие в расширении смысла с дальнейшей символизацией значения – одно из важнейших свойств метонимии, в полной мере проявившееся уже в древнерусском языке. Исследователь древнерусского языка и культуры В. В. Колесов в связи с этим пишет следующее: «Движение смысла от исходного конкретного значения <...> и есть процесс приращения смысла в образцовом контексте; смысл растет в сторону символа. <...> Возможным такой рост смысла становится благодаря органической способности слова развивать метонимические переносы по смежности» [6, с. 210–211].

Метонимия не только «запускала» в языке процессы семантической деривации – при ее участии по определенным словообразовательным моделям были образованы целые семантические пласты лексики – фамилии, прозвища, географические названия и другие онимы, например: *Петров* (сын Петра), *Ярославль* (город Ярослава), деревня *Волково* и др.

Метонимия сыграла важную роль и в формировании морфологической системы русского языка, поскольку она также способствовала расширению смыслов грамматических морфем. Например, приставка *у-* и предлог *у* имеют исходные значения ‘отделять’, ‘удалять’ [15, т. 2, с. 279]. В настоящее время аблативное значение *у* предлога уже утрачено, но сохранилось у глагольной приставки (*уехать, унести, угнать*). Это значение предполагает презумпцию ‘отделяемые объекты находятся поблизости друг о друга’, вследствие чего наблюдается метонимический перенос ‘удалять’ > ‘находиться вблизи какого-либо объекта’ (*усадыба; гости уже у порога*). Последнее значение естественным образом предопределяет развитие как *у* приставки, так и *у* предлога значения посессивности: ‘нахождение вблизи какого-либо объекта’ > ‘посессивное значение принадлежности, предназначенности кому-л.’ (*удел, участь; у нее трое детей*).

Можно также отметить, что и отдельные формы слов также могут иметь метонимическое образное значение, как, например, формы творительного падежа в следующих случаях: *дотронуться (дотянуться) сердцем; витать мечтами в облаках, шевелить мозгами* и т.п.

Регулярность метонимических моделей, особенно на начальном этапе процесса смыслового расширения слов, позволила обнаружить многие типы семантических переходов, существовавших в истории русского и, шире, славянских языков, в результате чего открылась возможность составления общей типологии семантических переходов, над которой в настоящее время работают слависты разных стран.

Не менее важную роль играет метонимия в речевой коммуникации. На современном этапе развития языка метонимия – это не только средство референции, но и способ описания и интерпретации целой ситуации. Она «обобщает ситуацию, выделяет

в ней главное и тем самым упрощает ее до одного элемента, она выражает сущность, экономит языковые средства, сворачивает речь до главных элементов, заменяет детали главным или главной деталью весь контекст, особым образом „фокусируя“ его. <...> То, что само собой разумеется, опущено, а главное указано» [11, с. 83]. И не только указано, но и «изображено» благодаря ее образной природе. Например, фразеологизм *глядеть исподлобья* указывает на интенциональное состояние человека посредством описания соматической реакции («глядеть из-под нахмуренных бровей» [9, с. 253]) и выделяет главную информацию для интерпретации ситуации общения – недоверия и недружелюбного отношения к собеседнику.

Вместе с тем, выделяя какой-либо элемент денотативной ситуации, метонимия тем самым оставляет остальные элементы скрытыми, имплицитными. Так, образованные в результате метонимичной по своей природе номинализации отглагольные существительные (*рост, сооружение, замещение* и т.п.) по сути являются лишь названиями обозначенных ситуаций. При употреблении в конкретной речевой ситуации они указывают только на один ее параметр: на результат действия (*получена первая плавка*), на средство (способ) действия (*красивая обшивка*), объект действия (*получили новое оборудование*) и т.п. Другие параметры (актанты, причины, последствия данного действия) остаются имплицитными. В частности, устраняется субъект пропозиции, «вследствие чего суждение получает высокую степень объективации и возникает эффект его полного соответствия реальному положению вещей» [3, с. 122]. Например, фраза *Рост производства мяса птицы способствует вытеснению импорта* [«Российская газета». №6631, 2015] вызывает импликацию ‘производство мяса птицы растет’ и ‘мясо птицы российских производителей вытесняет импортное’, и у читателя происходит снижение критичности при восприятии информации. В связи с этим номинализация часто используется в публицистике в качестве суггестивного средства.

Метонимия проявляет подчас противоположные свойства, поэтому исследователи выделяют два основных ее типа: языковую (когнитивную, «прямую») и речевую (коммуникативную, «оказиональную»).

Языковая метонимия по своей природе когнитивна, поскольку отражает реальное положение вещей, т.е. существующие отношения смежности между целым и его частью (*банан – растение и плод*), действием и его результатом (*дать на подпись – одной подписи не хватает*) и т.д. Она представлена в языке значениями одного слова (*береза – ‘дерево’ и ‘древесина’*) или значениями конверсивов (*смена руководства – пришла ночная смена*), легко переводится на другой язык и заимствуется. Как правило, она является средством номинации и не несет прагматического эффекта [7–8; 10 и др.], как и

метафора, она может стать «мертвой», т.е. практически не осознаваться.

Речевая (ситуативная, «окказиональная») метонимия «нарушает когнитивные принципы осмысления действительности» [11, с. 526], например: *Ухо, горло, нос принимает?* (из разговорной речи). Вследствие этого она ситуативна, подчинена референции [1, с. 225] и требует осмысления. По аналогии с «живой» метафорой (термин П. Рикера) ее также называют «живой» («живущей») в конкретной ситуации, «здесь и сейчас», например: *Синяя беретка, Вы брали билет?* (из разговорной речи). Со временем вследствие частой повторяемости ситуаций, например, в бытовом дискурсе, она, как и языковая, может «стираться» (*выключить кастрюлю, вскипятить чайник*).

В речи метонимические выражения могут создавать эффект «склеивания значений» многозначного слова или значений фразеологизма и омонимичного свободного словосочетания, например, фразеологизм *при закрытых дверях* может одновременно употребляться в переносном значении «без допуска посторонних, в узком кругу» [14, т. 1, с. 178] и в буквальном смысле.

Речевая метонимия этнокультурна, вследствие чего многие метонимические выражения трудно точно перевести на другой язык, как, например, фразу *прохотать деньги* (Вл. Высоцкий). Приставка *про-* окказионального глагола реализует сразу два своих значения – «значение действия, развивающегося во всем своем объеме в течение какого-н. промежутка времени, напр. *Проработать* (весь день), *проболеть*, <...> *проблуждать*», а также метонимическое «значение действия, обозначающего утрату, ущерб, нежелательный результат <...> напр. *Прожить* (деньги), *проиграть*, *прокутить*, *прозевать*...» [9, с. 604]. В результате носитель русской лингвокультуры выводит импликацию: в телеграмме выражение *прохотал деньги* значит «весело провел время во время отпуска на юге, израсходовал все деньги и теперь шлет телеграмму домой, чтобы выслали деньги на обратную дорогу». Таким образом, речевая (окказиональная) метонимия – это важнейший способ создания смысловой «плотности» текста. Фокусируя внимание на главном, она создает экономию языковых средств и тем самым повышает эффективность общения; ср. также: *Где Снегурочка? – Где воспитательница, исполняющая роль Снегурочки?*

В речи метонимия раскрывает свой образный и оценочный потенциал, например: *вытуженный молодой человек; застегнутый на все пуговицы (пиджак – человек)*. В этом случае она отражает смежность носителей свойства (*пиджак – человек*) и относится к так называемой вторичной метонимии. Нами также отмечен редкий случай, который можно определить как двухступенчатую метонимию, например: *Мимо проплыла фисташковая солома в шелковых рюшечках* (В. Набоков. Дар). Лек-

сема *солома* употреблена здесь в значении «шляпка», а шляпка является атрибутом женщины, о которой идет речь (подробнее см.: [12, с. 133]). В данном случае метонимия сливается с метафорой, так как вся фраза является оценочным средством, характеризующим неназванную женщину. Это неслучайно, поскольку в основании метонимии и метафоры лежат общие процессы ассоциации и аналогии, но тем не менее они существенно отличаются друг от друга. Если метафора – это процесс установления отношения сходства между двумя концептуальными явлениями в разных концептуальных областях, то метонимия – процесс установления отношения смежности между физическими или концептуальными явлениями одной области [11, с. 526; 5, т. 2, с. 163; 13; 7, с. 971; 8 и др.]. Метафора относится к предикативным (характеризующим) средствам языка, а метонимия – к номинативным, вследствие чего метафора, как правило, функционирует в составе предиката высказывания, а метонимия – преимущественно в составе его субъекта. Некоторые исследователи полагают также, что метонимия «более лингво-, этно- и культурноспецифична, чем метафора» [11, с. 81].

Подведем итоги. Метонимия представляет собой особый тип окказиональной номинации, в большей степени ориентированный не на денотат, а референт. Она является пусковым механизмом расширения значений, метафоризации, символизации, а также словообразовательных процессов. Обозначая и тем самым выделяя какой-либо элемент ситуации, она позволяет говорящему скрывать остальные и, напротив, указывать на скрытые смыслы и создавать подтекст в тех случаях, когда именно невыраженное является главным в содержании, несет смысл сообщения. С ее помощью может создаваться связность текста, поскольку она обеспечивает вывод необходимых умозаключений, обеспечивающих эту связь. Наконец, она является стилистическим средством, поскольку создает выразительность, изобразительность и экспрессивность речи. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что как средство вторичной номинации она имеет особый когнитивный и коммуникативно-прагматический статус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Живое слово. Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта-Наука, 2009. 342 с.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта-Наука, 2007. 592 с.
3. Барышева А. И. Имплицитность как свойство публицистического текста (на материале языка газеты): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 204 с.
4. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
5. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2-х т. Т. 2. М.: Академия, 2006. 432 с.
6. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб: Юна, 2002. 445 с.

7. Кручинкина Н. Д. Метонимия как особый концептуальный алгоритм номинации // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы. Мат-лы Всерос. научн. конф. 11–12 апреля 2013 г. / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 970–975.
8. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 470 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
10. Раевская О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 3. С. 3–12.
11. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Asadema, 2005. 640 с.
12. Сергеева Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2004. 316 с.
13. Солсо Л. Р. Когнитивная психология. М.: Триволта, 1996. 608 с.
14. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2-х т. / сост. А. И. Федоров. М.: Цитадель, 1997.
16. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стереот. В 2-х т. М.: Русский язык, 1999.

Поступила в редакцию 09.12.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.4.46

METONYMY AS AN ALGORITHM OF REFERENCE

© V. L. Ibragimova, L. A. Sergeeva*

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Phone: +7 (347) 231 27 50.***Email: sergeeva@list.ru*

Language changes have a gradual character. The most variable is the lexical-semantic field. The reasons for the changes are socially determined. Their specific nature can only be explicated with historical consideration, using appropriate methods and techniques. The paper represent the experience of the historical-etymological and motivational analysis of several words, in the semantics of which there is an abstract semantic category of tooling. The article touches upon the problems of metonymy that did not receive wide attention in linguistics. Regular use of metonymy with the identical logical-semantic patterns is indicative of the cognitive character of the denotation mode. The object of analysis is the relationship between direct and indirect nominations. Metonymy is considered as a cognitive mechanism resulting in representation of a concept or a whole conceptual structure by means of another one. Authors argue that metonymy can arise from linguistic and non-linguistic knowledge of the world. The paper also deals with frames. A frame is regarded as a cognitive model of a stereotypical situation. This model consists of certain amount of knowledge of the world. Metonymical word points out domain element of the situation. All other elements remain implicit. The influence of cognitive bonds of a conceptual sphere on derivative processes and development of polysemy is under consideration as well. Authors consider that the role of metonymy in derivational process and transformations of direct names is based on the action of association and analogy. The functions of metonymy in the history of the Russian language are also analyzed. The part of the article is devoted to the diachronic regularities of derivatives and formation of their meanings, traced back to proto-Indo-European roots. The problems of metonymy are very important for cognitive linguistic.

Keywords: metonymy, language metonymy, occasional metonymy, indirect nomination, reference, association, analogy, situation, model of situation, frame.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Zhivoe slovo. Problemy funktsional'noi leksikologii [Living word. Problems of functional lexicology]. Moscow: Flinta-Nauka, 2009.
2. Baranov A.N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta [Linguistic examination of text]. Moscow: Flinta-Nauka, 2007.
3. Barysheva A. I. Implitsitnost' kak svoystvo publitsisticheskogo teksta (na materiale yazyka gazety): dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2015.
4. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Yazykoznanie [Comprehensive encyclopedic dictionary. Linguistics]. Ed. V. N. Yartsevoi. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998.
5. Velichkovskii B. M. Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya: v 2-kh t. Vol. 2 [Cognitive science: Fundamentals of psychology of cognition: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow: Akademiya, 2006.
6. Kolesov V. V. Filosofiya russkogo slova. Saint Petersburg: Yuna, 2002.
7. Kruchinkina N. D. Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XIV: Kognitivnaya lingvistika: itogi, perspektivy. Mat-ly Vseros. nauchn. konf. 11–12 aprelya 2013 g.. Ed. vyp. L. A. Furs. Moscow: In-t yazykoznavaniya RAN; Tambov: Izdat. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2013. Pp. 970–975.
8. Kustova G. I. Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya [The types of derived meanings and the language extension mechanisms]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.
9. Ozhegov C. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 1997.
10. Raevskaya O. V. Izv. RAN. Seriya literatury i yazyka. 1999. Vol. 58. No. 3. Pp. 3–12.
11. Ryabtseva N. K. Yazyk i estestvennyi intellekt [Language and natural intelligence]. Moscow: Academia, 2005.

12. Sergeeva L. A. Otsnochnoe znachenie i kategorizatsiya otsnochnoi semantiki: opyt interpretatsionnogo analiza: dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 2004.
13. Solso L. R. Kognitivnaya psikhologiya [Cognitive psychology]. Moscow: Trivolta, 1996.
14. Fillmore Ch. Freimy i semantika ponimaniya [Frames and the semantics of understanding]. Novoe v zarubezhnoi lingvistike. No. 23. Moscow: Progress, 1988. Pp. 52-92.
15. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka. V 2-kh t. [Phraseological dictionary of the Russian literary language. In 2 volumes]. Comp. A. I. Fedorov. Moscow: Tsitadel', 1997.
16. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. 3 ed., stereot. V 2-kh t. Moscow: Russkii yazyk, 1999.

Received 09.12.2020.